

ПРИРОДА ФОРМЫ Е+Р КАК ПРЕДИКАТА СОСТОЯНИЯ И ЕГО ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

НИЙОЛЕ ЛУКШИТЕ

Сочетание Е+Р [būti/être + Р_п, Р_т (страдателное причастие наст. и прош. времени лит. языка) /Р. р./ (причастие прош. времени франц. языка)] в грамматике рассматривается как залоговая конструкция, отношение которой к сфере глагольной предопределяется главным образом словообразовательной связью причастия и глагола. Однако некоторые лингвисты отмечают именные признаки этой формы, выявляя самостоятельность причастия по отношению к глаголу как самостоятельность слова противоположной (именной) природы [Потебня, см.: Sližienė, 1974, § 10, p. 85; Žiugžda, 1966, p. 11; Girdenis, Žulys, 1973, p. 208–209 (лит. яз.); Pottiers, 1967, p. 41; Гивишвили, 1979, с. 28 (франц. яз.)]. Переплетение в форме Е+Р глагольных и именных признаков определяет также трактовку этой формы как аналитической формы глагола [Paulauskienė, 1979, p. 174–176; Girdenis, 1984, p. 25]; иногда природа формы остается не уточненной, поскольку залоговое значение формы представляется как непосредственно соотносящееся с синтаксической (именной) формой выражения [Le Bidois, 1971, § 707, p. 414].

Мы предполагаем, что проблема природы формы Е+Р состоит в том, что следует выявить отношение ее залогового значения как к понятию глагольного признака, так и к понятию именного признака. Поэтому нам представляется, что познание природы формы Е+Р определяется теорией предиката, которая связывается с теорией генезиса понятия части речи. Она рассматривает часть речи как следствие распада синкретичного понятия субстанции, при котором субстанция противопоставляется своему именному или глагольному признаку [Панфилов, 1982, с. 214–220]. Таким образом, понятие предиката определяет понятие предложения постольку, поскольку это последнее обобщает отражение объективного мира, существование которого утверждается как единство субстанции (субъекта предикации) и ее признака (предиката). Глагол „быть“ как элемент предиката является неотделимым от выражения именной природы признака. Сочетание Е+Р указывает на то, что понятие причастия обладает содержанием призначной части речи, аналогичной прилагательному. Становление причастия обязано развитию структуры предложения, фиксирующей появление прямого объекта как проявления определенного этапа взаимоотношения по-

нятий субстанции и процесса (глагольного признака). Субстанция в качестве определителя процесса — прямого объекта — как будто бы приобретает определенный качественный статус и получает возможность синтезировать это качество в виде „отпечатка” процесса на имени — прямом объекте. Появление причастия как „отпечатка” говорит также о том, что глагольный признак — процесс — транспонируется в именной признак.

Форма Е+Р как форма именного признака представляет собой предикат, обладающий значимостью „состояние”. Несмотря на то что состояние как семантическое понятие характерно и для некоторых словоформ глагольного признака (лексические стивы, результативы), мы считаем, что состояние как значимость соотносится с именным признаком, который противопоставляется глагольному по природе как статический динамическому. Таким образом, значимость „состояние” вытекает из природы именного признака и с семантическим понятием состояния словоформы Е+Р прямого отношения не имеет; однако понятия значимости и значения являются коррелирующими, поэтому есть возможность говорить о ядерных значениях сочетания Е+Р как наиболее соответствующих понятию значимости и выявляющихся в качестве сущностей статистических.

Среди ядерных значений сочетаний Е+Р мы отмечаем в первую очередь результативность как понятие, непосредственно соотносящееся с именной природой причастия. Не случайно результативность сочетания Е+Р некоторыми исследователями [Jakuliené, 1968, p. 21; Реферовская, 1964, § 150, с. 139] трактуется как критерий именной природы формы Е+Р. По отношению к лит. языку можно говорить о результативности как ядерном значении предиката Е+Р постольку, поскольку словоформы Е+Р как результативные противопоставляются акциональным в пропорции 2:1. Во франц. языке результативный характер сочетания соответствует употреблению предиката Е+Р в инфектных временах *Présent* и *Imparfait*. В *Présent* употребляются 33%, в *Imparfait* — 40%. Имея в виду исследование Шмита Йенсена [Schmitt Jensen, 1963], утверждающего, что значение *Zustand*'а характерно для формы Е+Р не только в *Présent* и *Imparfait*, но и в других временах (*Futur simple*, *Plus-que-parfait*, *Passé composé* и даже *Passé simple*), можно констатировать, что результативность (*Zustand*) как ядерное значение предиката Е+Р составляет подавляющее большинство форм Е+Р.

Мы предполагаем, что результативность предиката Е+Р соотносится не только с предельностью лексического значения глагола, но и является понятием, соотносящимся с семантической структурой текста, с которой коррелирует предикат Е+Р как сущность состояния. Об этом говорит тот факт, что семантическая структура текста, соотносящаяся с описанием как формой речи, указывает на еще более тесную связь между значимостью состояния и природой текста как высказывания, которая проявляется в том, что предикат состояния Е+Р приобретает статус глагольного стива с семантикой существования, обладания,

положения в пространстве и становится синонимичной глаголам *būti*, *turėti*, *gulėti*. Предикат состояния перевоплощается в носитель глагольного субъектного действия: (1) *Reikia keletas kibirų vandens parnešti, o pas Leibą skalbiniai pamerkti* /=*mirksta*/, *ligi vakaro reikia išveleti* (Boruta); (2) *Elle sort sur le balcon. [...] Célestin, lui, est caché* /=*se cache*/ *derrière un massif de rhododendrons* (Aymé). Субъектное действие в данном случае соответствует аналогичному глаголу объектного действия (*mirkti* – *merkti*, *se cacher* – *cacher*), но чаще всего это субъектное действие как непереходная пара однокорневого переходного глагола в грамматической системе остается не реализованным: (3) *Les musiciens étaient suspendus entre ciel et terre, dans une tribune (de Beauvoir) (étaient suspendus = *suspendaient)*.

Данные французского языка дают возможность говорить о том, что взаимоотношение предиката состояния E+P и формы речи маркируется формой *Passé simple* глагола *être* как знаком приспособления предиката состояния к повествованию. Статистически *Passé simple* выделяется как время, занимающее III место (после *Présent* и *Imparfait*) – 6%. Хотя оно соответствует периферии явления E+P, оно выделяется среди всех периферийных (следующее за ним *Plus-que-parfait* составляет 4,6%), что подчеркивает предикат состояния как образование, находящееся в тесном контакте с категорией текста. *Passé simple* глагола *être* при предикате состояния говорит о том, что он не перевоплощается в форму глагольного признака, а сохраняет статус именного признака, приспособленного к динамике текста, что характерно и для предиката типа E + Adjectif: (4) *Très vite, j'ai été jaloux de cette passion qu'il avait éveillée en toi* (Mauriac).

О текстовой определенности предиката состояния говорит такой морфологический факт, как перевоплощение процесса местоименной формы глагола в форму предиката состояния в придаточных времени после союзов *dès que*, *aussitôt que*, *lorsque* etc. Мы предполагаем, что преподнесение главным предложением события, последующего за предыдущим (второстепенным) событием придаточного предложения, „глобализует” это последнее, выявляя его результирующий аспект, который и воплощается в форме предиката состояния. На это указывает исчезновение форманта *se* местоименного глагола: (5) *Et quand elle fut assise sur le lit auprès de lui, quand elle l'eut pris dans ses bras, quand il fut blotti contre son sein, [...] il se mit à pleurer* (Rolland).

Преподнесение событий в плане *Présent* или *Imparfait* дает возможность трактовать формы E+P глаголов движения не как формы глагольные, а как предикат состояния, что подчеркивается употреблением наречий и согласованием времен: (6) *[...] l'ombre était depuis longtemps partie de dessus son visage, mais il ne se décidait pas à faire un mouvement* (Rolland); (7) *On voit un oiseau voler dans le rose, il va en atteindre la fin, il touche presque au noir, puis il y est entré* (Proust).

В лит. языке, где причастие не представляет собой унифицированную морфологическую форму, как во французском, можно отметить дру-

гие ядерные явления, коррелирующие со значимостью состояния:
1) преобладание форм $E+P_t$ над $E+P_m$ (83% P_t 17% P_m); P_m , обозначающее процессуальность действия, оказывается менее релевантным по отношению к предикату состояния, чем P_t , поскольку форма прошедшего времени причастия имеет отношение к результативности не только как семантическому понятию, но и как к значимости, касающейся глобализации прошедшего (до настоящего) промежутка времени, которая внутри формы именного признака является главным элементом транспонированного процесса. Эта значимость выявляется при глаголах несовершенного вида: (8) — *Kaip gi dabar atrodot abu? Nei sprandas praustas, nei barzda skusta* (Baltušis 1).

2) Преобладание $E+P$ родовых форм над неродовыми (60,2%; 39,8%); неродовые формы („квазиотпечаточные“) ощущаются как глагольные благодаря понятию обобщенного деятеля, восстанавливающего значения субъектного действия.

3) Преобладание форм $E+P$ с нулевой связкой (69%), которое мы считаем проявлением вневременного характера предикации именного признака [Бенвенист, 1974, с. 205; см. также Степанов, 1981, с. 265]. Бессвязочность причастия коррелирует с имплицитным выражением отношения предиката к плану высказывания, определяющегося временной формой глагольного предиката: (9) *Dabar jū (gėliū) nebebuvo. Nė vienos. Langas uždarytas, tik mažytė orlaidė praverta truputį* (Baltušis 2).

Рассмотрение формы $E+P$ как предиката состояния предполагает выявление его отношения к субъекту предикации. В лит. языке она является формой предикации предмета, во франц. языке — формой предикации лица (живой субстанции). Субъект — лицо во франц. языке составляет 57,7%, в лит. — 20 (34% при родовых формах причастия). Это объясняется разницей содержания глагола в лит. и франц. языках. В лит. для глагола характерно понятие двигателя, во франц. — понятие торможения (предела). Содержание глагола взаимопределяется с природой субстанции — объекта действия. Активный характер процесса в лит. языке предполагается постольку, поскольку он противопоставляется инертности субстанции, которая ему подвергается и которая получает „отпечаток“, в то время как во франц. языке активность торможения соответствует понятию живой субстанции как активному началу, останавливающему процесс. Во франц. языке связь живой субстанции с предикатом состояния раскрывается в предикатах „внутреннего состояния“, которые составляют 24% примеров (без подлежащих — нейтральных и безличных местоимений, или 22% общего числа примеров). „Внутреннее состояние“ можно считать понятием, маркирующим живую субстанцию, которое коррелирует с понятием лица, выявляя следующие аспекты: поза индивида как его естественное положение в пространстве, характеристика его внешности, проявление физиологических процессов, состояния здоровья, эмоционально-психическая характеристика, интеллектуально-моральная характеристика, внутренний комфорт или дискомфорт, обреченность, социально-семейные

связи, а также состояние, определяющее отношение к предстоящему действию. Примеры: (10) *Yolande était agenouillée, les mains jointes* (Aymé); (11) *Il est vêtu d'un costume sombre, cintré à la taille* (Sabatier); (12) *Mais vous pleurez aussi? – Non, non. Je suis enrhumé* (Sagan); (13) *Il prend le carnet dans ses mains tremblantes, il est très ému* (Sartre); (14) *Mathieu respira: [...] Mais il n'était guère soulagé* (Sartre); (15) *Vous êtes marié, non, mon cher Jean? – Oui, dit Bernard et il se contracta* (Sagan); (16) *Toute démarche lui coûtait. Il était pas disposé à s'humilier dans l'intérêt de ses oeuvres* (Rolland).

Предикат „внутреннего состояния” настолько сливается с живой субстанцией, что можно говорить о вторичной синкретичности субстанции, что находит свое выражение в некоторой лексикализации предложения, фиксирующейся частотностью некоторых предикатов: *être obligé* представлен в 8% (55 примеров), *être assis* – 5% (39), *être fatigué* – 4% (28) примеров „внутреннего состояния”.

В лит. языке „внутреннее состояние” характеризуется главным образом как эмоциональность и внешность: (17) *Sveikinui! Sujaudintas, padąsintas ir sužadėtas jūsų vyro elgesio!* (Sluckis); (18) [...] *vaikštinėjo mergina. Liekna, gražti ir tuo pat metu kažkaip labai jau stipriai gamtos šalta* (Baltušis 1). Оно составляет 4,6% примеров.

Для французского языка характерно выражение „внутреннего состояния” лица через предикацию части тела. Имя – часть тела употребляется с притяжательным прилагательным, что говорит о включении части тела в „пространство” лица: (19) *Ma main est crispée sur le manche du couteau à dessert* (Sartre); (20) *Tes yeux sont fermés, les nuages tournent en rond dans ta tête bruante* (de Beauvoir).

В лит. языке для употребления формы Е+Р при обозначении части тела характерна метафоричность действия (*širdis užgauta, galva pramušta mokslui, galva pripilta smėlio*). Характеристике части тела свойственна синонимичность субъектного и объектного результата (*plaukai susitaršę – sutaršyti*), которую мы трактуем как нейтрализацию морфологических форм, обусловленную природой именного признака как синкретичного с субстанцией.

Противоречивость содержания причастия как транспонированного в именную признак процесса определяет и противоречивость его грамматического существования, в котором он тяготеет то к сфере глагола (лит. яз.), то к сфере прилагательного (франц. яз.). Сближение причастия с прилагательным во франц. языке позволяет говорить не столько об аналитических глагольных формах Е+Р, сколько о нейтрализации грамматической природы сочетания (именного и глагольного сказуемых). В лит. языке форма Е+Р скорее остается носителем действия, поэтому ее грамматическая природа ближе к понятию глагольного сказуемого, чем грамматическая природа Е+Р франц. языка. Семантика действия „компрометирует” ее именное содержание вплоть до появления признаков ее глаголизации (фонетическое изменение связки *būti* в некоторых жемайтских говорах [Girdenis, 1984, p. 26]).

LA NATURE DE LA FORME E+P EN TANT QUE PRÉDICAT
D'ÉTAT ET SES CARACTÉRISTIQUES GRAMMATICALES
EN LITUANIEN ET EN FRANÇAIS

N. LUKŠYTĖ

Résumé

Dans l'article la forme E+P est considérée comme prédicat nominal en tant que caractéristique de la substance. Elle possède une valeur „état” qui est en corrélation avec les effets de sens grammaticaux parmi lesquels se distinguent statistiquement ceux dits nucléaires” correspondant le mieux à la valeur „état”. Pour le prédicat lituanien sont caractéristiques les „effets de sens” nucléaires présentant la prépondérance du P_1 contre m , aussi que celle des formes E+P avec copule zéro ($\emptyset P_1$), celle des formes avec le participe des deux genres contre le participe neutre. Pour le prédicat français les „effets de sens” nucléaires sont présentés par l'emploi du Présent et de l'Imparfait du verbe „être”. Dans les deux langues les significations nucléaires se traduisent par l'expression de la substantivité. En tant que caractéristique de la substance le prédicat E+P est en corrélation avec la notion de la chose (en lituanien), tandis qu'en français il se rattache à la notion de la personne.

ЛИТЕРАТУРА

- Girdenis, 1984 — Girdenis A. Stratifikacinis lietuvių kalbos veiksmažodžio orfologijos modelis // Kalbotyra. 1984. T. 35(1). P. 25—28.
- Girdenis, Žulya, 1973 — Girdenis A., Žulya V. Lietuvių kalbos gramatikos I, II) recenzija // Baltistica. 1973. T. 9(2). P. 208—209.
- Jakulienė, 1968 — Jakulienė A. Lietuvių kalbos pasyvo formavimasis ir sągrąžiniai veiksmažodžiai // Baltistica. 1968. T. 4(2). P. 211.
- Le Bidois, 1971 — Le Bidois G. et Le Bidois R. Syntaxe du français moderne. Paris, 1971. Vol. 1.
- Paulauskienė, 1979 — Paulauskienė A. Lietuvių kalbos veiksmažodžio gramatinės kategorijos. V., 1979.
- Pottiers, 1967 — Pottiers B. Présentation de la linguistique. Fondements d'une théorie. Paris, 1967.
- Schmitt Jensen, 1963 — Schmitt Jensen J. Vorgang et Zustand des formes passives et leurs rapports avec l'aspect du verbe en français moderne. Copenhague, 1963.
- Sližienė, 1974 — Sližienė N. Sudurtinių neveikiamųjų veiksmažodžio formų kilmės ir vartojimas // Žodžių formos ir jų vartojimas. V., 1974. P. 77—78.
- Žiugžda, 1966 — Žiugžda J. Lietuvių kalbos gramatika. 1966. II d.
- Бенвенист, 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Гивишвили, 1979 — Гивишвили О. И. К проблеме существования грамматической категории страдательного залога во французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Панфилов, 1982 — Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
- Реферовская, 1964 — Реферовская Е. А., Васильева А. К. Теоретическая грамматика современного французского языка. М., 1969. Ч. 1.
- Степанов, 1981 — Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. М., 81.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Baltušis 1 — Baltušis J. Abišalė. V., 1974.
Baltušis 2 — Baltušis J. Sakmė apie Juozą. V., 1979.
Boruta — Boruta K. Mediniai stebuklai. V., 1971.
Sluckis — Sluckis M. Kelionė į kalnus ir atgal. V., 1981.
Aymé — Aymé M. Maxibulles. Paris, 1962.
De Beauvoir — Beauvoir S. de. Le sang des autres. Paris, 1960.
Mauriac — Mauriac F. Le noeud de vipères. Paris, 1957.
Froust — Froust M. A la recherche du temps perdu. Du côté de chez Swa
Moscou, 1976.
Rolland — Rolland R. Jean Christophe. Vol. 3. Moscou, 1957.
Sabatier — Sabatier R. La mort du figuier. Paris, 1962.
Sagan — Sagan F. Les merveilleux nuages. Paris, 1961.
Sartre — Sartre J.-P. Les chemins de la liberté. L'âge de raison. Paris, 1960.